

Ночь была темной и грозовой. Прогремел гром, и молния осветила обширные сельскохозяйственные угодья за стенами прекрасного замка Хайгарден. Деревенские улицы были пусты, а по грязным улочкам рынка тек мелкий ручей. Ни одна душа не осмеливалась выйти на улицу в разгар бури, которая грозила обрушиться на обычно тихие, ничем не примечательные деревенские улицы.

Посреди мощного шторма, в скромном фермерском доме, расположенном в самом сердце Простора, на некотором расстоянии от остальной деревни, молодая женщина с медово-светлыми волосами мучилась при тусклом свете единственного фонаря. Ее муж, темноволосый, с глазами, в которых будто отражалась бушевавшая снаружи буря, расхаживал рядом с комнатой, в которой рожала женщина, его шаги были ритмичным эхом его растущего беспокойства. Внутри воздух был наполнен напряжением, и две повитухи помогали страдающей женщине.

"Оставайся сильной, Элина. У тебя все хорошо", - подбодрила старшая повитуха, ее голос отчетливо прозвучал, в наполненной болью комнате.

"Я не могу... Я не знаю, смогу ли я это сделать", - выдохнула Элина, боль прочертила морщины беспокойства и изнеможения на ее лице. "Это... слишком тяжело".

"В тебе есть сила, Элина. Ради своего ребенка, ради Харлона, ты можешь это сделать", - успокаивала другая повитуха, прикладывая ко лбу Элины тряпку, смоченную прохладной водой.

"Сьерра, ребенок виден?" Элина плохо слышала, у нее потемнело в глазах. Боль пронзила все ее тело.

"Только начало головки" - ответила Сьерра, готовясь к появлению ребенка. "Тужься! Элина! Еще чуть-чуть!"

Снаружи усталый фермер перестал расхаживать взад-вперед и прислонился к стене, пытаясь отчаянной молитвой отогнать боль от своей жены, прижавшись лбом к двери и прислушиваясь к каждому звуку. "Элина, любовь моя, я здесь. Ты не одинока", - прошептал он, как будто его слова могли преодолеть пропасть между ними.

Элина, проявив дьявольскую волю, собрала оставшиеся силы для следующего толчка, Марна держала ее за руку, и помогала, как только могла.

"Да! Мы почти сделали это!" Сьерра ликовала, поскольку, казалось, готовилась к появлению новой жизни. "Еще чуть чуть Элина. Ты такая сильная!"

Харлон услышал душераздирающий вопль и закрыл глаза, не в силах больше слышать, как его жена страдает от такой боли. "О, Семеро, помогите ей. Пожалуйста!" Он молился небесным богам за свою жену и ребенка.

Крики жены разрывали ему сердце, звук, который он слышал уже дважды, и все же он пронзал его сердце, как осколки демонического льда.

Но последовавшая за этим зловещая тишина заставила его душу заледенеть.

"Почему... почему мой ребенок не плачет?" Голос Элины прорвался сквозь тишину, когда она безуспешно пыталась заставить себя сесть.

Она пристально посмотрела на женщину, которая теперь держала на руках неподвижное тельце ее ребенка, и в ее темных глазах появились слезы. Повитуха попыталась перевернуть ребенка, слегка похлопав его по спине.

Это не помогло.

Повитухи обменялись печальными взглядами, прежде чем Марна сделала глубокий вдох, готовясь сообщить новость. "Элина, моя дорогая," - начала она мягким, но решительным голосом, - "твой сын... он не выжил. Мне очень, очень жаль".

Душераздирающий крик вырвался у Элины, звук чистой муки, который, наконец, разбил то, что осталось от сердца Харлона стоявшего за дверью. Дверь распахнулась, когда он вошел, его лицо было бледным, а глаза искали ребенка, которого он мечтал держать на руках.

"Что... Что случилось? Почему Элина плачет?" Харлон запнулся, его голос дрогнул от напряжения и внезапного страха.

Марна мягко положила руку ему на плечо. "Твой сын родился мертвым, Харлон. Несмотря на силу Элины, он не пережил родов".

Колени Харлона ослабли, и он опустился рядом с кроватью, взяв Элину за руку, рыдания сотрясали их обоих. "Этого не может быть. Только не снова", - пробормотал он, слезы текли по его лицу, когда он повернулся к Элине. "Мне так жаль, любовь моя. Мне так жаль".

Элина хрипло всхлипывала, цепляясь за руки мужа, как будто это было единственное, что удерживало ее в здравом уме.

"Мы можем... попробовать еще раз". Она всхлипнула, хватаясь за любую надежду, какую только могла.

Сьерра смотрела на них, ее глаза были полны сочувствия. Она мягко вмешалась: "Элина, это небезопасно. Еще одни роды... ты можешь не пережить. Эти последние отняли у тебя слишком много".

"Нет, мы не можем сдаться. Должен быть какой-то способ", - запротестовала Элина, в ее голосе звучала смесь отчаяния и вызова, несмотря на то, что она едва могла говорить.

"Она потеряла слишком много крови". Голос Марны был твердым, когда она решительно подняла Харлона на ноги и оттолкнула его. "У тебя готова настойка из маковых зерен?"

"Да", - ответила Сьерра, взяв деревянную ложку и пытаясь напоить настойкой плачущую, истекающую кровью женщину.

Элина оказалась слишком упрямой, даже в полубессознательном состоянии, и яростно замотала головой. "Нет! Мы попробуем еще раз! Мы должны, мы всегда хотели семью!" - пробормотала она.

Харлон сглотнул. Его красивая, сильная, упрямая жена делала все, что могла. Он не мог потерять ее, и все же ему пришлось разбить ей сердце.

"Элина, любовь моя, я не могу потерять тебя. Ни за что", - прошептал Харлон, подойдя, чтобы взять ее за руку, его голос ломался, как и его разбитое сердце. Он взял деревянную ложку у Сьерры и попытался напоить жену.

Элина, по щекам которой текли слезы, посмотрела в глаза Харлону. "Но наши мечты, Харлон... наша семья..."

"Наша семья - это ты и я, Элина. Нас достаточно", - прошептал Харлон, наконец преуспев в том, чтобы напоить ее настойкой, которая наконец убаюкала ее.

Все, что он мог сделать, это всхлипнуть, когда тело его сына осторожно положили ему на руки, его красивое умиротворенное лицо - все, о чем он мог мечтать.

Он потерял еще одного ребенка. Еще одного ребенка, которого они любили бы, но Боги были жестоки к нему.

Пока снаружи бушевала буря, отражая смятение в их сердцах, Харлон прижимал к себе тело своего сына, в то время как две женщины в комнате мыли спящее тело его жены.

Пару часов спустя повитухи закончили свою работу и присоединились к Харлону и завернутому мертворожденному младенцу.

"Роуэн" - сказал он, когда они приблизились. "Это то, на чем мы остановились в качестве имени для мальчика. Сильный своими корнями в земле, но тянущийся к самым звездам, мы хотели, чтобы он стал таким".

"Это красивое имя", - ответила Марна, наблюдая за мужчиной. Его печаль была такой ощутимой.

"Трижды мы пытались привнести в мир новую жизнь" - сказал он, как будто вообще не слышал ее. "Трижды Боги забирали у нас жизнь прежде, чем она успевала даже вздохнуть. Почему Боги так жестоки к нам? Что я такого сделал, что так обидел их?" Он всхлипнул, когда, наконец, посмотрел на двух женщин, стоявших рядом с ним.

Им нечего было ответить.

"Вы уверены, что мы не можем попробовать еще раз?" - наконец спросил он, нарушая молчание.

Они не знали, как сказать это по-доброму. Должно быть, это отразилось на их лицах, и его тело обмякло. Тело ребенка, которое он держал на руках, дрожало от его рыданий.

"Оставайтесь здесь до утра" - тихо прошептал он, в его голосе слышалась неприкрытая боль. "Снаружи буря... слишком опасно. Вы не сможете добраться до деревни в целости и сохранности".

"Спасибо, Харлон" - ответила Сьерра. "Тебе следует пойти к своей жене, она проснется ночью. Она захочет, чтобы ты был рядом".

Он глубоко вздохнул, призывая в свое тело силу, которой у него не было. "Раскладушки приготовлены для вас у камина" - сказал он и, наконец, тяжелыми шагами вернулся в комнату, где спала его жена.

Прошел час, который показался Харлону вечностью. Он баюкал своего молчаливого мальчика на руках, когда Элина очнулась от беспокойного сна, ее глаза, моргая, открылись, и она

увидела тускло освещенную комнату, где тени танцевали при каждом мерцании фонаря. Ярость бури снаружи отражала смятение в ее сердце, прелюдию к пробуждению ее глубочайших страхов. Харлон, всегда внимательный, немедленно оказался рядом с ней, его присутствие было утешением посреди этого хаоса.

"Элина, ты проснулась. Вот, тебе нужно попить", - мягко сказал Харлон, помогая ей сесть одной рукой, а другой протягивая чашку с водой. Его голос успокаивал ее.

Взгляд Элины, затуманенный замешательством и болью, медленно сфокусировался на Харлоне, пока она потягивала воду. Все что произошло до этого, причина ее истощения и скрытой печали, обрушились на нее. "Наш сын... где он? Он..." Она не смогла закончить, ее голос перешел в шепот, страх и надежда боролись в ней.

Глаза Харлона, наполненные печалью, слишком глубокой, чтобы ее можно было выразить словами, встретились с ее глазами. "Он здесь, с нами", - сказал он прерывающимся голосом, когда осторожно положил их мертворожденного сына ей на руки. Маленький сверток, такой неподвижный и тихий, лежал, завернутый в мягкое одеяло, резко контрастируя с бушующей снаружи бурей.

Элина взяла их сына на руки, нежно прижимая к себе, ее пальцы дрожали, когда она прикасалась к нежной ткани. "О, мой милый мальчик", - пробормотала она, и слезы потекли по ее щекам. "Мне так жаль... Мне так жаль, что мы не смогли уберечь тебя".

Харлон обнял Элину и их сына, его собственные слезы смешались с ее слезами. "Это не твоя вина, Элина. Ты боролась изо всех сил. Он познал любовь, пусть и ненадолго. Он знал о нашей любви", - заверил ее Харлон, его голос был полон эмоций.

"Но почему? Почему это произошло? Все, чего мы хотели, - это семья, а Боги обокрали нас в третий раз". Элина всхлипывала, ее сердце болело от потери, настолько огромной, что она грозила поглотить ее.

"Возможно, мы никогда не поймем почему, любовь моя. Но в этот момент мы есть друг у друга, и у нас есть он. Он всегда будет частью нас", - сказал Харлон, прижимая их ближе, как будто его объятия могли защитить их от дальнейшей боли, рыдания его жены тонули в грохоте бури снаружи.

"Почему мы?" - прошептал Харлон в тишине, наступившей после слез Элины. "Что мы сделали, чтобы заслужить гнев Богов? Подвергаться таким испытаниям снова и снова?" В его голосе слышалась смесь гнева и отчаяния, вызов небесам за ту несправедливость, которой они подверглись.

Элина, крепче прижав к себе их сына, подняла залитое слезами лицо. "Я... Мне так жаль", - всхлипнула она.

"Неужели мы настолько недостойны счастья? Радости держать на руках нашего ребенка, наблюдать, как он растет?" Его голос стал громче, в нем нарастали печаль и обвинение. "Какой грех мы совершили, чтобы быть наказанными таким образом?"

Комната, казалось, сомкнулась над ними, стены свидетельствовали об их страданиях. "Три раза. Трижды нам давали надежду только для того, чтобы ее отняли прежде, чем она успела сделать свой первый вдох", - бушевал он на Богов, горе его жены еще больше разжигало его гнев.

Его лицо прорезали морщины печали и решимости, он взял руку Элины в свою и сжал ее, как будто хотел передать ей часть своей силы. Он пристально посмотрел на холодное тело их сына. Казалось, что он просто спит.

"Такой красивый" - пробормотал он.

"Такое чувство, что боги насмеются над нами своим молчанием. Но мы не должны терять веру. Возможно... возможно, есть причина, цель, которую нам еще предстоит понять". Элина молилась и надеялась.

"Но какая цель оправдывает эту боль?" - возразил Харлон; его глаза с болью смотрели через деревянное окно комнаты в самое сердце грозового неба "Как мы оправдаем это перед нашими сердцами? Держать на руках нашего сына, зная, что мы никогда не услышим его смеха, никогда не увидим его улыбки?"

Буря снаружи была их единственным ответом.

Но затем, мгновение спустя, внезапный ослепительный свет прорвался сквозь тьму, как предвестник перемен. Это было так, как будто само солнце опустилось на их поля освещая ночь с интенсивностью, граничащей с божественной. Элина, все еще прикованная к кровати из-за предательства собственного тела, отвернулась от окна, щурясь от неожиданного яркого света, наполнившего комнату.

"Харлон..." - прошептала она, ее голос был пронизан благоговением и дрожал от страха. "Что это за свет?" Ее бледное, измученное лицо было омыто неестественным сиянием, отбрасывавшим длинные тени, которые танцевали на стенах, когда мужчина подошел к открытому деревянному окну, борясь со слепящим светом.

Прежде чем Харлон успел ответить, безмятежный момент разрушился. Звук, глубокий и звучный, последовал за светом — шум настолько мощный, что, казалось, вибрировал в самом фундаменте их дома. Элина вздрогнула, внезапная какофония пронзила ее и без того ноющее тело новой волной боли. Она поморщилась, крепче прижимая безжизненное тело Роузны к груди, как будто хотела защитить его от невидимой силы, вторгшейся в их момент скорби.

"Это... Я не знаю. Что-то с небес", - сказал Харлон, его голос был наполнен смесью удивления и беспокойства. Он стоял, застыв, вглядываясь в ночь, пытаясь разглядеть источник беспокойства среди продолжающейся бури.

Затем, так же быстро, как и появился, свет померк, оставив их в мягком, успокаивающем полумраке их освещенного фонарями убежища. Но покой был недолгим; еще один громкий звук, на этот раз более резкий, пронзил ночь. Они скорее почувствовали, чем увидели удар, когда что-то массивное обрушилось на их поле, звук сопровождался отдаленным заревом, которое говорило о том, что огонь охватил пропитанные дождем посевы.

"ОГОНЬ! Клянусь богами!" - прошептал Харлон, когда его глаза увидели картину снаружи, его опасения и отчаяние быстро сменились ужасом.

Дыхание Элины застряло в горле, сердце бешено колотилось о ребра. "Харлон, поля..." - выдохнула она, ужас придавал ее голосу силу, которой у него не было несколько мгновений назад. Она еще крепче прижала мертвое тело сына к своей вздымающейся от боли груди

Харлон бросился обратно к кровати, по его лицу было видно как он разрывался между необходимостью защитить свою семью и необходимостью защитить посевы. "Я должен

посмотреть, что это, Элина. Если посеы горят, мне нужно потушить пламя до того, как оно распространится", - сказал он, и в его голосе прозвучала решимость, несмотря на очевидный риск.

"Нет, пожалуйста", - взмолилась Элина, ее глаза снова наполнились слезами. "Не оставляй нас, Харлон. Это слишком опасно. Буря еще не прошла, а теперь это... что бы это ни было. Боги не могут забрать и тебя тоже!" Ее хватка на Роузэне усилилась, когда она протянула руку, чтобы обнять Роузэна, что было физическим проявлением ее страха остаться одной, потерять еще одну частичку своего сердца.

Харлон опустился на колени рядом с кроватью, его рука нежно накрыла ее руку и их сына. "Я должен, Элина. Ради нашей фермы, ради нашего будущего. Я буду осторожен, я обещаю тебе". Его пристальный взгляд поддерживал ее, передавая молчаливую клятву вернуться к ней.

Поцеловав в последний раз в лоб свою жену и мертвого сына, Харлон встал, расправил плечи и вышел из комнаты, устремившись к полю, оставив Элину в тусклом свете фонаря. Комната, казалось, сомкнулась вокруг нее, тени теперь угрожали в своем танце.

В возобновившемся шуме бури и хаосе, разворачивающемся снаружи, Харлон, движимый смесью решимости и настойчивости, почти забыл о присутствии Марны и Сьерры в своем доме. Когда он схватил со стены пальто, готовый противостоять тому, что приземлилось на его полях, из теней коридора появились повитухи, на их лицах отразились беспокойство и страх, разбуженные неестественным светом и сотрясшим землю шумом.

"Марна, Сьерра", - обратился к ним Харлон, его тон был командным и обеспокоенным, его взгляд был прикован к двери, которую хлестали ветер и дождь. "Оставайтесь здесь. Возвращайтесь к Элине; она не должна быть сейчас одна".

"Но, Харлон, что это был за свет?" - спросила Марна, ее голос дрожал, отражая страх, охвативший их всех. Нормальность их жизней была нарушена, оставив их дрейфовать в ночном безумии.

"Это что-то в поле... Пожар, я думаю", - сказал Харлон, его слова были торопливыми, его мысли уже мчались вперед, к пламени, угрожающему его земле. "Я должен пойти — посмотреть, что это такое, попытаться локализовать это, пока оно не распространилось".

Сьерра шагнула вперед, ее лоб был озабоченно нахмурен. "Ты не можешь идти один, только не в этот шторм. Это слишком опасно", - запротестовала она, ее защитный инстинкт столкнулся с осознанием решимости Харлона.

Харлон встретил ее пристальный взгляд, в его взгляде была жестокая решимость. "Я должен. Боги уже забрали у меня моих детей. Я не могу позволить им забрать мою ферму. Скоро сбор урожая, и я не могу предстать перед лордом Тиреллом с сожженной фермой" - твердо сказал он, когда, наконец, снял брезент с раскладушки, на которой они спали, решение принято, бесповоротно. "Берегите Элину. Успокойте ее. Это все, о чем я прошу".

Не дожидаясь дальнейших возражений, Харлон развернулся на каблуках, пальто теперь служило слабой защитой от непогоды. Когда он открыл дверь, его встретили вой ветра и ярость дождя, предвестники грядущей битвы.

"Оставайтесь внутри!" - крикнул он через плечо, его голос едва перекрывал рев бури. "Я вернусь, как только смогу".

С этими словами Харлон растворился в ночи, оставив Марну и Сьерру смотреть ему вслед, их беспокойство за Харлона и Элину смешивалось с глубоким, тревожащим страхом перед тем, что может показать рассвет. Повитухи обменялись взглядами, между ними возникло молчаливое согласие. Они повернули обратно к комнате Элины, их шаги были быстрыми и целеустремленными, они были готовы предложить любое утешение, какое только смогут, в предстоящие долгие, темные часы.

Огонь распространился небольшими участками по дальним краям фермы. Брезент из оленьей шкуры, который он сорвал с раскладушек, был отличным средством для тушения. Вернувшийся дождь начал заботиться об остальном.

"По крайней мере, Семеро еще не прокляли меня так основательно, чтобы отнять у меня всю ферму" - язвительно пробормотал он.

Пока он медленно, размеренными шагами приближался к месту, куда упала звезда, ибо что еще это могло быть, дождь хлестал по нему со свирепостью, которая казалась личной, как будто сами небеса затаили на него злобу. Он тащился вперед, каждый шаг был борьбой с грязью, которая засасывала его ботинки, туша небольшие очаги все еще пылающего огня, и в унисон с каждым порывом ветра, который бил его, внутри него тоже бушевала буря.

"Почему?!" Харлон внутренне негодовал, его сердце превратилось в котел бурлящих эмоций. "Почему мы, почему моя семья?" Вопрос был лезвием, заново рассекающим горе, поселившееся в его душе. "Мы трудились, мы молились, мы ничего не делали, кроме как смиренно жили под вашими небесами. И все же вы безжалостно отняли их у нас". Его гнев на богов был потоком, неконтролируемым и необузданным. "Если это испытание, то черт бы побрал ваши испытания!" - заявил он воющему ветру.

Результат его годового труда теперь сократился на треть. Его сеньор спустит с него шкуру, если сочтет его виновным в этом.

И там, на дальнем краю фермы, открылось зрелище, от которого у него перехватило дыхание — гигантский кратер, высеченный в земле словно кулаком какого-то мстительного божества. Он был огромным, не меньше дюжины шагов в ширину, и таким глубоким, что дно было скрыто тенями, даже частые молнии во время грозы не могли осветить его полностью. По краям земля была выжжена, почернела, как будто там плясал драконий огонь, но безжалостный дождь погасил пламя, оставив после себя только запах мокрого пепла и тлеющие руины.

Харлон осторожно приблизился к краю кратера, его сердце бешено колотилось в груди, но не от напряжения, а от полной непостижимости открывшейся перед ним сцены. Вглядываясь в бездну, он заметил объект, не похожий ни на что, что он когда-либо видел, - каменный серебристый предмет. Неземной, с собственным светом, у него не было слов для этого.

Он был большим, больше коровы, но меньше фургона, с поверхностью, тускло поблескивавшей в периодических вспышках молний, сделанный из материала, который не был ни деревом, ни металлом, чем-то чужеродным и гладким. И его осколки усеивали почерневшую землю вокруг кратера.

"Звезда?" - пробормотал Харлон себе под нос, недоумение превзошло его первоначальные опасения. "Упавшая звезда?" Идея была фантастической, что-то из историй, рассказываемых у очага зимними ночами, но как еще он мог объяснить эту аномалию?

Движимый смесью любопытства и дурных предчувствий, Харлон спустился в кратер, осторожно ступая по скользкому склону. Когда он прикоснулся к странному объекту, его

поверхность оказалась прохладной и странно приятной на ощупь, в отличие от пронизывающего холода дождя, который промочил его насквозь. Она была цельной, без видимых дверей или проемов, но пульсировала мягким светом, который, казалось, манил его ближе.

Внезапно, словно в ответ на его присутствие, часть звезды сдвинулась, бесшумно втягиваясь, открывая внутреннюю часть, залитую мягким, потусторонним сиянием. Харлон ахнул, накидка из оленьей кожи выпала из его рук, он инстинктивно отступил назад, его разум изо всех сил пытался осознать разворачивающееся чудо.

Из глубины света сквозь шум бури донесся крик младенца — звук, такой до боли знакомый и в то же время такой совершенно чуждый в этом месте. Сердце Харлона, еще недавно отягощенное утратой, наполнилось необъяснимой смесью надежды и страха.

"Клянусь Семерыми..." - прошептал он, его прежняя ярость была забыта перед лицом этого ошеломляющего чуда. "Младенец? Здесь?" Его разум содрогался от невозможности, от божественной иронии того, что он нашел ребенка среди обломков своих мечтаний.

Осторожно, движимый силой, которую он не мог назвать, Харлон снова приблизился к открытой звезде. Внутри, спеленатый среди мягкого камня, такой же чужой, как и сосуд, в котором он находился, лежал младенец с широко раскрытыми глазами, полными слез, но не пострадавший во время своего небесного путешествия.

Грубые фермерские руки дрожали, когда они баюкали ребенка. Вынув младенца из звездной колыбели, он поразился теплоте его кожи, живости его криков — таких ярких на фоне ночного отчаяния.

"Семеро послали тебя ко мне?" - пробормотал он, не ожидая ответа, в его голосе звучала смесь благоговения и нежной уверенности. "Ты ответ на наши молитвы, малыш?"

Младенец хлюпал носом у него на руках, завывания шторма вокруг них ослабевали, как будто сами небеса защищали младенца. Он вернулся за накидкой, которую уронил ранее, и осторожно завернул младенца в мокрую и покрытую сажей ткань.

Крепко прижимая к себе ребенка, Харлон посмотрел на грозовые небеса, уже не с гневом, а с зарождающимся чувством удивления и благодарности. Возможно, это был знак, о котором он молил, дар богов или, может быть, шанс залечить зияющую рану в его сердце и сердце Элины.

"Буря - не место для такого младенца, как ты", - наконец сказал он, молча восхищаясь ребенком от самих Богов.

Пока он поднимался по кратеру, шторм, наконец, сменился мягким успокаивающим дождем. Пожары, начавшиеся с появлением ребенка, давно утихли. При последнем взгляде на кратер его сердце окаменело.

"Боги лично ответили на наши молитвы" - прошептал он. "Ты будешь нашим сыном, нашей звездой".

С решительным сердцем он поплелся обратно по грязному полю. На душе стало легко, радость снова наполнила его сердце.

Элина лежала в тускло освещенной комнате, ярость шторма казалась далеким эхом по сравнению с бурей в ее сердце. На ее груди неподвижно лежал ее сын Роуэн, завернутый в мягкое одеяло, служившее жестоким напоминанием о том, что она потеряла. Марна и Сьерра, повитухи, которые были с ней во время этого испытания, тихо сидели рядом, на их лицах были написаны сострадание и печаль.

Когда очередной раскат грома сотряс фермерский дом, взгляд Элины переместился к окну, вспышки молний освещали безжалостный ливень. Несмотря на боль, терзавшую ее тело, и тяжесть в душе, неутомимая энергия побуждала ее к действию. Решительным, хотя и неуверенным усилием она заставила себя выпрямиться, игнорируя мягкий протест Марны.

"Мне нужно увидеть", - настаивала Элина, ее голос был едва громче шепота, но наполнен отчаянной потребностью связаться с внешним миром, каким-то образом преодолеть дистанцию между ней и Харлоном.

"Тебе нужно отдохнуть, Элина", - пожурила ее Марна, но Элина не дрогнула.

"Мой муж где-то там, и мое сердце... Мне нужно увидеть. Пожалуйста", - умоляла она, крепче прижимая к себе сына.

"Позволь мне помочь тебе", - предложила Сьерра, двигаясь, чтобы поддержать Элину, когда та спускала ноги с кровати. Каждое движение было мучительным, но, движимая внутренней силой, о которой она едва ли подозревала, Элина пробралась к окну, тяжело опираясь на Сьерру.

"Спасибо тебе", - тихо сказала Элина темноволосой добросердечной женщине.

Снаружи бушевала буря, хаотичный танец ветра и дождя. Вдалеке мерцали огни, маленькие маячки света в темноте, их сияние боролось с натиском дождя.

"Харлон где-то там", - пробормотала Элина, напрягая зрение, чтобы разглядеть хоть какие-то признаки присутствия своего мужа в ночи. "Он пошел в... Боги, здесь так темно".

"Огни гаснут, Элина", - сказала Марна, присоединяясь к ним у окна. "Дождь гасит их. С Харлоном все будет в порядке. Он сильный, а боги хранят храбрых. Тебе нужно в кровать".

"Нет... Я не могу!" - взмолилась она.

Марна вздохнула, признавая бесплодность битвы. "Боги присмотрят за ним, не волнуйся, Лина".

"Но почему боги должны присматривать за нами?" Голос Элины дрогнул от смеси горя и обиды. "Они забрали моего сына... Они забирали, забирали и забирали. Все мои дети с ними!"

Сьерра ободряюще сжала плечо Элины. "Иногда планы богов находятся за пределами нашего понимания, но они также дают нам силу, когда мы меньше всего этого ожидаем. С Харлоном все будет в порядке, все пожары потухли".

Пока они стояли вместе, буря начала утихать, некогда свирепый ветер и проливной дождь сменились легкой моросью. Огни, которые были на краю их поля зрения, медленно гасли, оставляя после себя только темноту и обещание рассвета.

Время шло, каждое мгновение растягивалось в вечность, пока Элина, поддерживаемая

повитухами, ждала каких-либо признаков появления Харлона. Тишина после родов резко контрастировала с хаосом, который предшествовал им, тишина, которая одновременно успокаивала и нервировала.

В конце концов, буря начала утихать, и на смену ее ярости пришел успокаивающий дождь.

"Через некоторое время появятся первые лучи солнца, и все станет ясно, Элина", - прокомментировала Сьерра, когда они сидели у открытого окна, вглядываясь в морозящую темноту. "Тебе не нужно беспокоиться".

"Спасибо вам, Сьерра, Марна", - наконец сказала Элина, отрывая взгляд от темной, морозящей бездны. "За все, что вы сделали для меня и моего мужа сегодня ночью".

"Не за что, дорогая, и если тебе понадобится совет, ты всегда можешь прийти в мой домик у Мандер-хиллз", - ответила Марна.

"И в мой тоже, мы всегда были друзьями, Элина. Мой дом и дом моего мужа всегда будут открыты для тебя", - заверила Сьерра.

Эти слова, наконец, успокоили ее душу. Боль от потери ее ребенка останется, но притупится навсегда. Она поправится, несмотря на то, что жестокие Боги больше никогда не подарят ей детей.

Тихая морось дождя теперь успокаивала. Стук был мягким напоминанием о том, что Харлон скоро вернется. Она посмотрела на тело своего сына у себя на руках.

"Вы останетесь, не так ли?" - спросила она. На их вопросительные взгляды она уточнила: "Я имею в виду, на похороны?"

Печаль и жалость наполнили их глаза: "Конечно, дорогая. До тех пор, пока мы тебе нужны".

Элина улыбнулась в наступившей успокаивающей тишине.

Тишину нарушил скрип открывающейся двери. Элина, все еще баюкающая Роузну, повернулась на звук, ее сердце подпрыгнуло к горлу. Харлон стоял в дверном проеме, промокший насквозь, но от него исходила аура удивления и настойчивости. В его руках, укутанный от ночного холода, был сверток — из него донесся крик, тихий, но настойчивый, пронзивший тяжелый воздух комнаты.

"Харлон!" Элина ахнула, ее усталость была забыта. Повитухи, одинаково пораженные, поднялись на ноги, их глаза расширились от удивления и любопытства.

Харлон, встретившись взглядом с Элиной, широкими шагами пересек комнату, выражение благоговения, смешанного с глубокой радостью, осветило его лицо. "Элина, любовь моя", - начал он, его голос был полон эмоций. "Боги... они ответили нам. Не так, как мы смели надеяться, но они послали нам чудо".

Элина, сбита с толку, могла только смотреть, как Харлон осторожно положил младенца ей на руки. Тепло ребенка, прижавшегося к ее коже, сила его криков вызвали прилив эмоций, которым она не могла дать названия. "Харлон, что... откуда взялся этот ребенок?"

Затем Харлон поделился тем, что с ним произошло, его голос был ровным, но наполненным удивлением от того, чему он стал свидетелем. Он рассказал о ослепительном свете,

прорвавшемся сквозь тьму, о кратере, который он нашел на краю их фермы, и о чудесном обнаружении ребенка внутри того, что показалось ему небесной колесницей. "Я нашел его там, одного, не тронутого ни пожаром, ни падением. Это как... если бы сами небеса дали нам второй шанс", - закончил он, его пристальный взгляд встретился со взглядом Элины, ища понимания, возможно, даже принятия.

Элина, баюкая младенца, почувствовала прилив удивления, неверия и растущую надежду, которая расцвела в ее сердце. "Ребенок со звезд?" - прошептала она, и в ее голосе зазвучал благоговейный трепет. Младенец, почувствовав тепло ее объятий, затих, его крики перешли в тихое воркование.

Марна и Сьерра, выслушав рассказ Харлона, обменялись взглядами, полными недоверия и благоговения. "Его принесла упавшая звезда?" - пробормотала Марна, ее скептицизм боролся с картинкой перед ее глазами.

Сьерра, исполненная сострадания, мягко улыбнулась. "Возможно, у богов больше планов, чем мы можем себе представить. Этот ребенок... он предназначен вам Элина, Харлон. Благословение шторма".

Элина, встретившись взглядом с Харлоном, увидела веру и убежденность в его глазах. "Тогда он наш", - сказала она, приняв решение не только разумом, но и сердцем. "Наш сын".

Харлон кивнул с облегчением и радостью на лице. "Мы должны сохранить его происхождение в секрете, пожалуйста! Мы не можем потерять его", - умоляюще сказал он, поворачиваясь к повитухам. "Для деревни, для любого, он наш сын, рожденный от наших чресел, от моей крови. Это все, что нужно знать каждому".

"Даже от..." Сьерра сглотнула, вся тяжесть просьбы легла на ее плечи, "Даже от лорда и леди Тирелл?"

"Пожалуйста!" - взмолился Харлон, падая на колени перед двумя женщинами. "Я не могу потерять его".

Элина тоже присоединилась, надежда, наконец, расцвела в ее груди. "Я прошу вас об этом. Сьерра, Марна. Помогите мне уберечь это звездное дитя!"

"Это опасно". Марна меряла шагами комнату, ее взгляд был прикован к мальчику на руках у Элины. "Люди будут задавать вопросы. Весь Хайгарден увидел этот яркий свет и падающую звезду. Наверняка сюда придут люди после наступления утра, если не с первыми лучами солнца".

"Мы можем спрятать его, он был бы нашим сыном" - умоляюще ответил Харлон, взывая к ее чувствам. "Деревенские стражники знают, что Элина беременна, это будет нетрудно".

"Боги наконец-то ответили на наши молитвы, Марна" - взмолилась Элина, на глазах у нее выступили слезы. Отчаянная надежда вспыхнула в ее глазах.

"А что, если они найдут этот кусочек звезды на вашем поле? Они будут задавать вопросы о том, что было внутри" - ответила Марна, хотя ее сердце начало смягчаться.

"Мы с Харлоном можем взять тележку и привезти ее сюда, закопать под деревьями снаружи", - вмешалась Сьерра.

В ответ на благодарный взгляд, который Элина бросила в ее сторону, она сказала: "Ты мне почти как сестра, Элина. Твой сын вырастет вместе с моим. Я помогу".

"Тогда поторопись", - наконец сказала Марна. "Скоро рассветет. Поторопись. Пусть Элина покормит ребенка грудью. Она только что родила, у нее будет много молока".

В наступившей тишине все четверо рассматривали младенца — мальчика, которого коснулись небеса, которого принесла им ночь бури и чудес. "Давайте назовем его", - сказал Харлон, нарушая тишину. "Именем которое будет напоминать нам об этой ночи, о чуде, которое он олицетворяет".

Через мгновение Элина заговорила, ее голос был чистым и сильным, несмотря на усталость, которая охватила ее. "Давайте назовем его Келум. В честь тех самых звезд, которые породили его для нас".

"Келум", - повторил Харлон имя, идеальное эхо их вновь обретенной надежды. Он наклонился и поцеловал Келума в лоб, затем его жену и, наконец, все еще бледный лоб Роузны и повернулся к Сьерре. "Я подготовлю быков и повозку. Это выглядело как увесистая штука, ты можешь принести лопату из сарая?"

Когда они ушли, Элина посмотрела на младенца, прижатого к ее груди. Боги отняли у нее трех сыновей, а взамен даровали младенца, который упал с самих небес. Она любила бы его, лелеяла бы всем сердцем, ибо, хотя Боги были жестоки, их милость была редкой, но действительно щедрой. Она была бы не из тех, кто так легко растрчивает ее.

<http://tl.rulate.ru/book/105094/3698967>